

ПУТЕВОДИТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

5/2020

Роман-журнал XXI век

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Ушаковское лето

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ВОСПРИЯТИЕ УТРА

Еле светает, а я уже мчусь на работу
и улыбаюсь такому ж, как сам, идиоту —
каждое утро я бодро ему улыбаюсь,
возле облезлой чугунной
ограды встречаясь.
Небо сырое висит в ожидании солнца,
кажется, свистни —
и вниз оно тотчас сорвётся.
Сплющит в лепёшку
своей многотонной громадой
мир,
окружённый ажурной чугунной оградой,
мир,
где людей не собаки кусают, а люди,
мир,
бесприютней которого нет и не будет...
Всё же я рад за себя и того идиота —
есть у нас общее:
есть у нас дом и работа,
краешек неба,
где каждое утро восходы,
и обязательный минимум
личной свободы.

МУЖИЦКИЙ РАЗУМ

Избу поставить — разом!
Работа не за страх.
Гудит мужицкий разум
В мозолистых руках.
На море и на суше
В любых делах мастак.
Он даже бьёт баклуши
Отнюдь не абы как.
Прочищен, водкой смазан,
Под кнут поставлен — ну!
Сопит мужицкий разум,
Прёт на себе страну.

КОММУНАЛКА

1. Утро

Понедельник. Час рассвета.
Коммунальный коридор.
В ожиданье туалета
вяло тлеет разговор.

Худ. Снежана Однодворцева

И вот-вот совсем потухнет,
 темнотой углов распят...
 Озабоченно на кухне
 восемь чайников сипят.
 Завтрак. Судорожный выход —
 кто к станку, кто на базар.
 Дверь жильцов листает лихо,
 как услужливый швейцар.

2. Морской волк

Дядя Коля списан с теплохода,
 потому в запое третий год,
 и его мятежная природа
 продыху соседям не даёт:
 то швырнёт их в пасть водоворота,
 то волной накроет штормовой...
 Зря, конечно, изгнан из морфлота,
 бывший первоклассный рулевой.
 Вот и сам он: в латаном бушлате,
 испитой и выпитый до дна,
 маятно распластан по кровати,
 будто вахта трудная сдана...
 Но вниманье: цокают стаканы —
 дядя Коля снова «у руля»...
 Стойкие к волнениям тараканы
 драпают, как крысы с корабля.

3. Зина

У Зины насуплены брови,
 житейская складка меж них;
 у Зины хромает здоровье,
 а тут ещё бросил жених.
 И что ему, глупому, надо?
 Да, впрочем, и парень-то — так...
 Устав от такого расклада,
 она попивает коньяк.
 Стучится под вечер к соседу,
 пытается выдавить смех
 и... с треском ломает беседу,
 озлобившись:
 — А чтоб вас всех!...

4. Вечер

К ночи тягостней промахи власти,
 откровенней мольбы стариков —
 и коммуна дробится на части
 перещёлком надёжных замков.
 Гулко кашляет, пьёт валерьянку,
 раздражаясь нахальством луны;
 убеждает себя: спозаранку —
 на работу во благо страны.
 А когда перед самым рассветом
 беспокойным забудется сном,
 беспардонным охрипшим дуэтом
 прогнусавят будильник отпетый
 и дежурный петух за окном...

ПРО СОСЕДКУ

Долго не пишется...
 Яблони ветка
 Лезет в окошко, тихонько звеня...
 Тут вот на днях прицепилась соседка:
 «Ты, — говорит, — напиши про меня.
 Я ж, погляди-ка, страдаю от веку:
 Брошена, дети — сиротки, как есть...»
 Как же, ну как объяснить человеку:
 Судеб разбитых на свете — не счесть.
 Нынче хорошее встретится редко,
 Чаще — предательство, злоба, враньё.
 Ну а соседка... Да что там соседка!
 Я ведь уже написал про неё:
 В этом стихе и вот в этом, и в этом —
 Долго верёвочку горькую вью...
 Нет. Обзывает хреновым поэтом —
 Хочет фамилию видеть свою.

ПЛОТНИК

В клубах стружечного запаха
 он заходит в «общепит».
 Карандаш заложен за ухо
 и навечно там забыт.

Улыбается раздатчице:
 — Накорми рабочий класс...
 Возле кассы вдруг артачится,
 услышав:
 — Сто сорок с вас.

Всё же платит.
 Ест и морщится:
 «Вот чем кормят, сволота...»
 Вилка
 в крепких пальцах смотрится
 почуднее долота.

СВОБОДА

Сроду не было такого:
 Шёл на рынок Евстигней
 Покупать свободу слова
 За родные сто рублей.

Возвратился через сутки —
 Несвободен, сильно пьян.
 Вылезая из попутки,
 Показал пустой карман.

Объяснил соседу Сеньке,
 Нацедив в стакан вина:
 — Я б купил, когда б за деньги,
 А задаром — не нужна!

ЮРОДИВЫЙ

Тих, одинок, печален.
 Нечего взять с него.
 Смотрит из-под развалин
 Разума своего:
 Взглядом пронзит тяжёлым,
 И не удержишь слёз.
 Паперть метёт подолом,
 Что-то бубнит под нос.
 Скорбный, как шорох листьев,
 Голос его дрожит.
 И от колючих истин
 В страхе народ бежит.

РЕПЕЙ

Под небом пыльным и сухим,
 Меж двух сквозных степей
 Живёт адептом строгих схим,
 Отшельником репей.

От зноя жилист он и чёрн,
 Тревожен, как беда.
 Корнями в выветренный дёрн
 Вцепился навсегда.

Когда тебе у той черты
 Случится проходить,
 Не пожалей глотка воды
 И дай ему попить.

* * *

В период коротких закатов
 Кусается злее недуг.
 Туман под деревьями матов,
 А воздух холодный — упруг.

Ночная тревожная птица
 Визгливо ругает росу...
 И очень легко заблудиться
 В себе, как в дремучем лесу.

Худ. Снежана Однодворцева

Худ. Снежана Одноворцова

* * *

Небо свесилось устало.
Август звёзды сыпал густо...
Человека вдруг не стало.
Свято место стало пусто.

Присмирели вдруг дубравы,
Знобкий стон поплыл над пашней.
Показалось, лёг на травы
Снег, безвременно опавший.

Мир застыл влоборота.
И под звёздною порошей
Тихо-тихо молвил кто-то:
— Человек-то был хороший...

* * *

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.

Размечал заготовки, резал
И паял, и клепал — за грош.
И шутил:
— Я тебе из железа
Чёрта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
— Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Видно, много на нём отметин —
Так болит, что уж мочи нет...
Прошуршал над погостом ветер
И принёс мне отцов ответ:
— Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле — совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугунной
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железякой в груди ты б смог?
А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок...

Андрей ФРОЛОВ

* * *

Небо свесилось устало.
Август звёзды сыпал густо...
Человека вдруг не стало.
Свято место стало пусто.

Присмирели вдруг дубравы,
Знобкий стон поплыл над пашней.
Показалось, лёг на травы
Снег, безвременно опавший.

Мир застыл вполоборота.
И под звёздною порошей
Тихо-тихо молвил кто-то:
— Человек-то был хороший...

Елена МАШУКОВА

* * *

Разгорелись костры осенние,
Под осинами воздух светится...
На верёвочке шарик вертится,
Нам дарованный во спасение.

Рассыпается, брякая гранями,
Драгоценное наше прошлое,
Всё, что было у нас хорошего
Пропадёт в листопадном пламени.

Распрощаемся да утешимся.
И покуда снуют пожарники,
Мы летим в синеву на шарике
Да сильней за верёвочку держимся.

Художник Алексей ШАЛАЕВ

А. Шалаев. 2009